

© 1996 г.

Е.К. НИКОЛАЕВА

К ТИПОЛОГИИ ФРАЗООБРАЗОВАНИЯ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА)

Сравнение — один из древнейших способов наименования окружающей действительности. Оно экспрессивно, наглядно, образно характеризует человека, явления природы, повседневные ситуации. Анализ лексики, используемой для сравнения (сравнительных компонентов), дает возможность обратиться к тому языковому состоянию, когда выбор предмета для сравнения только совершался, проследить процесс формирования признаковой базы сравнительного компонента.

Исследование сравнительных компонентов устойчивых сравнений (далее — УС) славянских языков показало, что наиболее активно при формировании компаративных единиц используется предметная лексика и наименования представителей животного мира [Огольцев 1978; Кювлиева 1986; Демьянович 1980]. Однако при сравнении фразообразовательного потенциала этих двух групп лексики выясняется, что в сравнительных компонентах, в качестве которых выступают наименования предметов, в большинстве случаев акцентируется один отличительный признак, яркая качественная особенность, присущая данному предмету, которая и получает развитие в УС. Фразообразовательный же потенциал компонентов-анимализов значительно выше, они способны образовывать вокруг себя мощные фразеологические гнезда. В системе УС польского языка среди 15 наиболее активных во фразообразовательном отношении компонентов (*собака* — 177 УС¹, *еврей* — 79 УС, *дьявол* — 64 УС, *волк* — 56 УС, *свинья* — 55 УС, *кот* — 48 УС, *конь* — 35 УС, *вол* — 39 УС, *рыба* — 28 УС, *заяц* — 28 УС, *муха* — 28 УС, *вошь* — 25 УС, *жаба* — 24 УС, *медведь* — 23 УС, *теленки* — 23 УС) 13 — наименования животных и насекомых.

Таким образом, наивысшей фразообразовательной активностью в УС польского языка обладают компоненты-анимализмы, для которых характерна усложненность и опосредованность ассоциативных признаков, избирательность коннотаций. Формирование их признаковой базы проходит более сложный путь, нежели, сравнительных компонентов, выраженных предметной лексикой. Поэтому УС с анимализмами далеко не всегда обладают ясной внутренней формой, четкой мотивированностью. Усложненность мотивации нередко создается фольклорно-мифологическим фоном, на котором происходит образование многих УС.

Так, например, довольно неожиданное представление о еже как медлительном и ленивом животном возникает из сравнений *pospieszyć się jak jeź z drożdżami* ("поспешить как еж с дрожжами"), *ciebie tak posłać jak jeża po drożdże* ("тебя послать, — как ежа за дрожжами"). В основе этих выражений, вероятнее всего, лежит сюжет сказки о том, как ежа послали за дрожжами. После семилетнего отсутствия он наконец принес дрожжи, но вылил их, споткнувшись о порог. В гневе еж воскликнул: "Вот что бывает с теми, кто очень спешит!" [Krzyżanowski 1962, I: 77]. В указателе сказочных сюжетов Ю. Кжижановский фиксирует и другой вариант этой сказки, где в качестве главного героя выступает рак (в указателе сюжетов восточно-славянской

¹ Материал приводится по словарю "Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich / Pod red. Krzyżanowskiego J. I—IV. Warszawa, 1969—1978.

сказки имеется аналогичный сюжет: рак (жаба), который очень спешил [Чистова "ред" 1979: 100]. В польском языке существует сравнение *wracać jak rak z drożdżami* ("возвращаться как рак с дрожжами"). Это сравнение более позднее: первая фиксация УС с ежом — 1632 г., с раком — 1846 г. Образ рака более оправдан в предложенной ситуации, т.к. ассоциативные признаки, связанные с компонентом *rak* в УС, отражают медлительность и неповоротливость этого животного. Возможно, поэтому, а также, видимо, и вследствие влияния восточно-славянской сказки, он и введен в польскую сказку, а позднее закрепился в УС.

Примечательно, что в современном варианте этой сказки, изложенной для детей [Наши сказки... 1975: 35—38], главным героем выступает черепаха. В указателе сказочных сюжетов подобный сюжет обнаружить не удалось, видимо, черепаха заменила ежа в детской сказке из-за очевидности ассоциативных признаков, связанных с этим животным: ведь именно черепаха является символом медлительности в европейских языках.

Таким образом, не зная сюжета сказки о еже, невозможно понять внутренней формы оборотов *pospieszyć się jak rak z drożdżami, ciebie tak postać, jak jeża po drożdże*, объяснить столь непривычные для ежа признаки, как "медлительный, ленивый". Здесь произошел тот самый процесс, о котором писал А.А. Потебня, — когда сказки, легенды постепенно сокращаются, становясь основой басни или побасенки, а затем конденсируются в устойчивые образные обороты [Потебня 1894].

Внутренняя форма других УС с компонентом *еж* ясна и прозрачна, т.к. в них актуализируется основной, привычный для всех носителей языка признак этого животного — "колючесть": *jeżyć się jak jeż* ("ежиться как еж"), *czupryna jak u jeża* ("шевелюра как у ежа"), *nasrożony jak jeż* ("настороженный как еж") и т.д. В основе этих сравнений лежат либо реальные наблюдения над внешним видом, поведением ежа, либо народные обычаи, связанные с этим животным. Так, выражение *jak cielę z jeżem do krowy* ("как теленок с ежом к корове" — так говорят о небритом мужчине, пытающемся поцеловать женщину) возникло из деревенского обычая: для того, чтобы отучить теленка сосать корову, к его морде привязывали шкуру ежа.

Возможно, что именно шкура ежа фигурирует и в оборотах *z siwą głową do kobiety jak z jeżem do psa* ("с седой головой к женщине как с ежом к собаке"), *chwytą się jak pies jeża* ("хватается как собака за ежа"), *z prawdą do ludzi jak z jeżem do psa* ("с правдой к людям как с ежом к собаке). Ю. Кжижановский полагает, что эти обороты уходят корнями в то время, когда по деревням Польши бродили нищие, выпрашивая подаяние. Для защиты от яростных нападков деревенских собак они пользовались палками, на концы которых прикрепляли колючую шкуру ежа, а впоследствии на один конец палки просто набивали гвозди остриями наружу. По мнению Ю. Кжижановского, этот *jeż dziadowski* и нашел отражение в вышеприведенных сравнениях [Słownik 1965: 155]. Однако нам не удалось обнаружить ни одного варианта описываемых УС, где бы лексема *jeż* сочеталась с прилагательным *dziadowski*, что заставляет более осторожно отнестись к предложенной версии. Кроме того, образ собаки и ежа совместимы в контексте данных УС и в прямых значениях: *Jak ów pies, który jeża zobaczywszy na stronie, mniema, że szczerpie zwierzę od razu pochłonie, lecz go wywodzi z błędu skóra niepożyta, tym więcej go kaleczy, im ją mocniej chwytą* ("как та собака, которая, заметив в стороне ежа, думает, что сразу проглотит худенького зверька, но из заблуждения ее выводит несокрушимая шкура, чем сильнее собака ее схватит, тем больше калечится)[Słownik 1958—1969, III: 414]. Скорее всего, в современном языке мотивированность этих выражений основана на представлении о поведении двух животных.

Несмотря на разнообразие УС с компонентом *еж* в польском языке, признаковая база этого компонента незначительна — актуализируются лишь два ассоциативных признака: "колючесть" и "медлительность", один из которых своим источником имеет наблюдения над жизнью, внешним видом и повадками этого животного, другой — народную сказку.

Наиболее широкую признаковую базу в УС польского языка имеет компонент *pies* ("собака"). К.М. Гюлумянц, анализируя сравнения польского и русского языков с компонентом *собака*, пишет: "На основе представлений: *собака* — злой, жестокий, дурной человек; хищник, негодяй, презренный человек, *собачья жизнь* — трудная, плохая жизнь — создан длинный ряд более расчлененных и точных характеристик, как, например, ...*głodny jak P.*, *wierny, przywiązany jak P.*, *zły jak P.*, *łgac jak P.*, ... *gryźć, kąsać jak P.*, *łasić się jak P.*, *zmarzłac jak P.*" [Гюлумянц 1971: 114]. С. Скорупка, подтверждая преобладание негативно окрашенной фразеологии с этим компонентом, пишет, что в языке, в частности во фразеологии "нашло отражение наблюдение над жизнью и поведением собаки" [Skorupka 1958: 137].

Вероятно, закрепление ассоциативных признаков этого слова (в частности, как компонента УС) связано с более сложными и неоднозначными процессами. Образ собаки во фразеологии несомненно испытал на себе влияние мифологических представлений, связанных с этим животным. В мифологическом осмыслении собака — хтоническое животное, обычно встречающееся в древних памятниках и мифах в связи с мотивами земли и загробного мира. Не останавливаясь подробно на мифологии этого животного (об этом существует обширная литература) [Клингер 1911; Миллер 1876; Moszynski 1931; Успенский Б.А. 1987], отметим, что в древней картине мира собаки занимали крайне низкое положение и причислялись к нечистым существам, к тому же в народном сознании они часто отождествлялись с дьявольскими силами.

При закреплении ассоциативных признаков этого компонента УС произошло наложение образа домашнего животного на уже стершийся в сознании народа неприятный, резко отрицательный образ мифологического существа, т.е. эмпирические наблюдения человека над жизнью и поведением собаки пошли сквозь призму мифологического мышления. Кажется, именно этим можно объяснить обилие резко отрицательных коннотаций, связанных с компонентом собака: *zły jak pies* ("злой как собака"), *brzydki jak pies* ("противный как собака"), *potrzebny jak pies w kościele* ("нужен как собака в костеле"), *strzec się kogo jak psa* ("остерегаться кого-то как собаки") и т.п. Интересно выражение *łgac (kłamać) jak pies* ("лгать (врать) как собака"). Можно предположить, что использование глаголов *лгать*, *врать* в качестве основания сравнения вызвано семантическим взаимодействием глаголов *szczekać*, *brechać*, *łgac* ("лаять", "брехать", "лгать") в УС *szceka jak pies*, *bresze jak pies*, *łze jak pies* и развитием метафорического значения глагола *szczekać* "оговаривать, очернять кого, врать, лгать, измышлять" [Słownik 1958—1959, VIII: 1046]. Однако УС *łgac (łygac, kłamac, szczekać) jako pies* отмечены уже в Словаре старопольского языка [Słownik 1953—1958, VI: 118]. Выражение *ślgal eci aki pies* встречается в "Слове" Даниила Заточника (XIII в.). А.А. Потебня писал, что в Польше существовал обычай: уличенных в клевете заставляли "лезть под стол и лаять там по-собачьи в знак того, что они и прежде врали как собаки" [Потебня 1914: 158]. Вероятно, мотив лжи и обмана также связан с образом неприятного мифологического существа.

Однако нельзя отрицать и значения чисто эмпирических наблюдений в формировании признаковой базы этого компонента. Это прежде всего сравнительно немногочисленная группа положительно окрашенных или УС, которые отражают наше актуальное представление "собака — друг человека": *wierny jak pies* ("верный как собака"), *posłuszny jak pies* ("послушный как собака"), *przywiązany jak pies* ("привязавшийся как собака"), и довольно многочисленная группа УС, в основе которых — наблюдения над "собачьей" жизнью, особенностями ее поведения: *siwieje jak pies od mordy* ("седеет как собака с морды"), *boi się jak wściekły pies wody* ("боится как бешеная собака воды"), *lata jak pies z wywieszonym językiem* ("носится как собака с вывешенным языком"), *chwytą jak pies flaki* ("хватает как собака рубцы"), *zują jak pies z kotem* ("живут как кошка с собакой") и т.п.

Нередки и случаи, когда эмпирические и мифологические представления не только тесно переплетены, но и осложнены фольклорной традицией и глубиной "историко-литературных" сюжетов. Таков, например, образ собаки в колодце, очень популярный

в сравнительных оборотах польского языка: *hulał jak pies w studni* ("веселился как собака в колодце"), *szczęśliwy jak pies w studni* ("счастливый как собака в колодце"), *tańczy jak pies w studni* ("танцует как собака в колодце"), *spisał się jak pies w studni* ("проявил себя как собака в колодце"). Этимологические разыскания Ю. Кжижановского привели его к предположению, что этот образ заимствован из латинского выражения *in puteo cum cane pugnare* ("сражаться с собакой в колодце"), куда, в свою очередь, попал из греческого *en freati kynomachein*. Ю. Кжижановский полагает, что в данных выражениях речь идет о горных источниках, которые обычно находились в труднодоступных местах (в котловинах, воронках), и выбраться оттуда было очень сложно, особенно животным. Так как источники очень редки в горах, то с целью охраны их от непрошенных гостей греки возводили вокруг них каменные заграждения; так образовывались искусственные ловушки, которые вместе с естественными, по предположению Ю. Кжижановского, вошли в греческое выражение [Krzyżanowski 1975: 274].

На польской почве этот образ колодца-ловушки был конкретизирован введением дополнительных компонентов *suchy* ("сухой") и *dominikański* ("доминиканский"): *używa jak pies w suchej studni*; *używa jak pies w dominikańskiej studni* ("наслаждается жизнью как собака в сухом (доминиканском) колодце"). Однако если образ высохшего колодца как нельзя больше напоминает ловушку, то образ доминиканского колодца опять же требует пояснений.

Предполагается, что речь идет о колодце в доминиканском монастыре (на границе Волини и Малой Польши), строительство которого в 1690 г. было озаменовано чудом: на монастырский двор спустился аист и трижды ударил клювом в землю, указав таким образом место будущего колодца [Krzyżanowski 1975: 275]. Благодаря этому чуду, ставшему сюжетом многих народных преданий, доминиканский колодец получил широкую известность среди поляков, вошел в пословицу и поговорки, например: *osiadł jak w dominikańskiej studni, ani jej wypić, ani z niej wyleźć* ("обосновался как в доминиканском колодце, ни выпить его, ни вылезти из него"). Так заимствованное выражение "обросло" национальными реалиями и получило новую жизнь в польском языке.

Но есть еще третья группа оборотов с компонентом *pies*, которая раньше не привлекала внимание исследователей. В этой группе произошла полная утрата предметной основы сравнения: *boli jak pies* ("болит как собака"), *twardy jak pies* ("твердый как собака"), *gorąco kiej pies* ("горячо как собака"). В этих оборотах компонент *собака* функционирует как демотивированный интенсификатор, являясь лишь средством выражения "интенсивности эмоции", чем и объясняется утрата буквального значения компонента. Это один из случаев, когда интенсивность эмоции вообще всегда затемняет и отодвигает на задний план оттенки смысла: чем выше интенсивность выражения, тем неопределеннее ее логический смысл [Балли 1961: 338].

Представляется, что способность компонента *собака* выступать в качестве демотивированного интенсификатора вызвана, в частности, тесной связью собаки с дьяволом (дьявол часто выступает в образе собаки [Woods 1959]). А компонент *дьявол* (*черт*) вследствие сильной экспрессии этой лексемы выступает как демотивированный интенсификатор практически во всех европейских языках. В УС этой группы возможна взаимозамена этих компонентов (*дьявол* — *собака*).

В единицах рассматриваемой группы компаративные отношения практически стерты, они проявляются лишь на структурном уровне — в наличии союза *как*, который, однако, подвергается как бы синтаксической демотивации и перестает функционировать как сравнительный союз.

Таким образом, анализ УС с компонентами *собака* и *еж* показывает, что, с одной стороны, ассоциативные признаки компонентов-анимализмов выделяется на основе наблюдений над внешним видом, жизнью и повадками животных (УС, построенные на

этих образах, обладают ясной внутренней формой), с другой стороны, чисто эмпирическое восприятие человеком животных осложняется мифологическим переосмыслением этих образов, они испытывают влияние духовной культуры: фольклорных текстов, религиозных представлений. Вследствие этого увеличивается их семантический потенциал, они обрастают дополнительными коннотациями, что часто затрудняет расшифровку их внутренней формы УС. Однако рост семантического потенциала возможен лишь до определенных пределов, пока ассоциативные признаки компонентов семантически соотнесены с денотатом. Дальнейшее расширение признакововой базы компонента ведет к утрате качественной семы в его значении и абсолютизации количественной, а в конечном итоге — к полному семантическому опустошению компонента. Он начинает функционировать как интенсификатор, приобретая максимальный фразообразовательный потенциал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балли Ш. 1961 — Французская стилистика. М., 1961.
- Голумянц К.М. 1971 — Образное употребление названий животных в сравнениях и метафорах (на материале русского и польского языков) // Вопросы фразеологии. Вып. IV. Самарканд, 1971.
- Демьянович Н.И. 1980 — Устойчивые сравнения со значением состояния в русском, чешском и словацком языках: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Л., 1980.
- Клинггер В. 1911 — Животное в античном и современном суеверии. Киев, 1911.
- Кювлиева В. 1986 — Устойчивые сравнения в болгарском языке. София, 1986.
- Миллер В.Н. 1876 — Значение собаки в мифологических верованиях: Древности. Т. VI, Вып. 3. М., 1876.
- Наши сказки... 1975 — Книга третья / Сост. М. Боголюбская, А. Табенкина. М., 1975.
- Огольцев В.М. 1978 — Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Л., 1978.
- Потебня А.А. 1894 — Из лекций по теории словесности: Басня. Пословица. Поговорка. Харьков, 1894.
- Потебня А.А. 1914 — О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914.
- Успенский Б.А. 1987 — Мифологический аспект экспрессивной фразеологии. Статья 2 // *Studia Slavica Hung.* 33/1—4, 1987.
- Чистова "ред". 1979 — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Под ред. В.К. Чистовой. Л., 1979.
- Krzyżanowski J. 1975 — *Mądrzej głowie dość dwie słowie*. Т. I—III. Warszawa, 1975.
- Krzyżanowski J. 1962 — *Polska bajka ludowa w układzie systematycznym*. Wrocław, 1962.
- Moszyński K. 1931 — *Pies w wierzeniach i obrzędach. Lud Słowiański*. Т. II, cz. I. Kraków, 1931.
- Słownik 1965 — *Słownik Folkloru polskiego* / Pod red. J. Krzyżanowskiego. Warszawa, 1965.
- Słownik 1958—1959 — *Słownik języka polskiego* / Pod red. W. Doroszewskiego. Т. I—VIII. Warszawa. 1958—1969.
- Słownik 1953—1985 — *Słownik staropolski*. Т. I—VIII. Wrocław, 1953—1985.
- Skorupka S. 1958 — *Idiomatyczny frazeologiczny w języku polskim i ich geneza* // *Славянская филология*. Вып. III. М., 1958.
- Woods B.A. 1959 — *The devil in dog form. A partial type-index of devil legends*. Berkeley; Los Angeles, 1959.